

В том месте, где я была изнасилована (это бывший подземный ход в амфитеатр, откуда артисты выбегали на сцену прямо из-под трибун), незадолго перед тем нашли расчлененный труп какой-то девочки. Так сказали полицейские. И добавили: нечего и сравнивать, тебе еще посчастливилось.

Но эта убитая девочка была для меня понятнее, чем широкоплечие здоровяки-полисмены и перепуганные однокурсницы. Мы с ней обе побывали в одной и той же преисподней. Обе лежали распластанными на сухой листве и осколках стекла.

Мне тогда бросился в глаза один предмет, валявшийся среди пыльных листьев и битых пивных бутылок. Розовый бант. Во время рассказа о замученной девочке до меня явственно доносились ее мольбы, точь-в-точь как мои собственные, и думалось: в какой же момент ее волосы рассыпались по плечам и кто сорвал эту ленту? Возможно, убийца, а возможно — чтобы хоть на миг остановить пытку, в надежде, что потом можно будет поразмышлять, не было ли тут признаков «пособничества нападавшему», — она распустила волосы сама, по его приказу. Этих подробностей мне никогда не узнать; даже не установить, принадлежала ли розовая лента той самой девочке или же попала в подземный ход случайно, вместе с мусором. Каждый раз при виде розовых бантов я буду мыслями возвращаться к ней. К девочке, доживающей последние минуты.

Глава первая

Вот что запомнилось. Губы кровоточили. Прикусила их, когда он напал со спины и зажал мне рот. А сам прошипел: «Будешь орать — убью». Я оцепенела. «Усекла? Вякнешь — зарежу». Я кивнула. Правой рукой он удерживал меня за туловище, лишая возможности двигать локтями, а левой зажимал мне рот.

Потом убрал ладонь.

У меня вырвался крик. Резкий. Короткий.

Я не сдавалась.

Он снова зажал мне рот. Ударом сзади, под коленки, сбил с ног.

— Кому сказано? Убью, сучка. На перо поставлю. Убью.

Ладонь снова ослабила хватку, и я с воплем рухнула на мощенную кирпичом тропу. Он, расставив ноги, громоздился сверху и пинал меня в бок. Я издавала какие-то звуки, но все без толку: выходил жалкий шелест. Это его разозлило, даже взбесило. Я думала уползти. Ступнями, обутыми в мягкие мокасины, пыталась защититься от зверских побоев. Но либо брыкала воздух, либо едва-едва задевала его штанины. Никогда в жизни не дралась, да и по физкультуре была хуже всех в классе.

Каким-то образом — сама не понимаю, как это вышло, — ухитрилась подняться на ноги. Помню, я кусалась, толкалась, уж не знаю, что еще. Потом

бросилась бежать. Будто могучий великан, он только протянул руку — и поймал меня за длинные каштановые волосы. Рванул что есть силы, и я упала как подкошенная. Первая попытка бегства сорвалась из-за волос, из-за моих длинных волос.

— Будешь знать, как рыпаться! — гаркнул он, и я начала молить.

Он полез в задний карман и вытащил нож. Я все еще трепыхалась, надеясь освободиться, и теряла сознание от боли, когда он клочьями выдирает у меня волосы. Подавшись вперед, я вцепилась обеими руками ему в ногу; он пошатнулся и едва не упал. Тогда мне было невдомек — это уж потом следователи установили, что именно в тот момент он выронил нож, который так и остался валяться в траве, рядом с моими разбитыми очками.

Теперь в ход пошли кулаки.

Он прямо остервенел то ли от потери ножа, то ли от моего упрямства. Так или иначе, предварительный этап завершился. Я лежала ничком. Он уселся на меня сверху. Пару раз ударил головой о кирпичи. Разразился бранью. Перевернул меня на спину и сел мне на грудь. Я бормотала что-то бессвязное. Умоляла. Тогда он сомкнул пальцы у меня на шее и стал душить. На миг я потеряла сознание. А очнувшись, встретила взгляд убийцы.

Тут я сдалась. Поняла: моя песня спета. Сопротивляться не осталось сил. Он мог делать со мной что угодно. Вот и все.

Течение времени замедлилось. Поднявшись, он за волосы потащил меня на траву. Я корчилась и пыталась ползти, чтобы только не отставать. Как в тумане, впереди темнел подземный ход амфитеатра. По мере приближения этой черной хищной пасти меня обуял дикий ужас. Стало ясно: спасения нет.

Перед входом в тоннель была старая, примерно метровой высоты железная ограда, а в ней — узкий проход, через который протиснешься разве что боком. Он тащил меня за волосы, я все так же корчилась в попытках ползти, но при виде этой ограды лишилась последней надежды: дальше была только смерть.

На какое-то мгновение я слабо уцепилась за основание решетки, но от грубого рывка пальцы разжались. Принято считать, что физическое изнеможение парализует волю жертвы, но я вдруг решила бороться дальше, и всерьез — всеми правдами, неправдами и уловками.

Кто занимается альпинизмом или серфингом, обычно говорит: нужно слиться со стихией, чтобы каждая клеточка тела настроилась особым образом, но это трудно объяснить словами.

На дне тоннеля, среди битых пивных бутылок, прошлогодних листьев и всякого другого — пока еще неразличимого — мусора, я настроилась на этого негодяя. В его руках теплилась моя жизнь. Нужно быть последней душой, чтобы утверждать: лучше смерть, чем изнасилование. По мне, лучше уж изнасилование — хоть сто раз. Впрочем, кому что.

— Вставай, — приказал он.

Я подчинилась.

Меня трясло. К страху и бессилию добавился холод; озноб не унимался.

Содержимое сумочки и книжного пакета полетело в темный угол.

— Раздевайся.

— У меня в заднем кармане восемь долларов, — залепетала я. — У мамы есть кредитки. И у сестры — тоже.

— На кой мне твои баксы? — заржал он.

Я посмотрела на него в упор. Заглянула прямо в глаза, словно передо мной стоял разумный человек, с которым можно договориться.

— Только не трогайте меня, умоляю, — выдавила я.

— Раздевайся.

— Я — девушка.

Он не поверил. Еще раз приказал:

— Раздевайся.

У меня тряслись руки, пальцы не слушались. Тогда он схватил меня за пояс джинсов, а сам привалился к черной стене грота.

— Поцелуй меня, — велел он.

Он притянул к себе мою голову, и наши губы соприкоснулись. Потом еще раз дернул меня за пояс, чтобы покрепче прижать к себе. Запустил руку мне в волосы и сгреб их в кулак. Задрал кверху мое лицо, уставился. У меня хлынули слезы и мольбы.

— Ну пожалуйста, — повторяла я. — Не надо.

— Заткнись.

Во время второго поцелуя он просунул язык мне в рот. Это не составило труда, потому что я не закрывая рта молила о пощаде. Тут он грубо дернул меня за волосы:

— Целуйся, кому сказано!

Выхода не было.

Получив желаемое, он отстранился и нашарил пряжку моего ремня. Но пряжка была с секретом и так просто не поддавалась. Чтобы только он меня отпустил, чтобы ослабил хватку, я вызвалась:

— Я сама.

Он не сводил с меня глаз.

Когда я справилась, он рванул вниз молнию на моих джинсах.

— Кофту скидывай.

На мне была длинная шерстяная кофта-кардиган. Пришлось ее снять. Грубые пальцы забегали по пуговицам блузки. И опять безуспешно.

— Я сама, — повторила я.

Блузка с воротничком тоже опустилась на землю у меня за спиной. Как будто я сбрасывала перья. Или крылья.

— Лифон снимай.

Я повиновалась.

Он схватил их — мои груди — обеими руками. Тискал. Давил и расплющивал о ребра. Крутил. Думаю, излишне говорить, какая это боль.

— Не надо так, ну пожалуйста, — упрашивала я.

— Кайф: белые сиськи, — промывчал он.

После этой фразы они стали мне чужими: каждая часть моего тела, до которой он добирался, переходила в его собственность — губы, язык, грудь.

— Холодно, — простонала я.

— Ложись, — бросил он.

— Прямо на землю? — Дурацкий вопрос, только лишь от безнадежности.

Среди сухих листьев и бутылочных осколков разверзлась могила. Все мое туловище застыло — увечное, поруганное, неживое.

Вначале я просто осела на землю, но не спешила ложиться. Он без труда стянул с меня расстегнутые джинсы. Я кое-как пыталась прикрыть наготу (по крайней мере, на мне еще оставались трусы), а он придирчиво меня разглядывал. До сих пор помню, как этот взгляд лучом скользил в потемках по моей мертвенно-бледной коже. Под этим лучом оно — мое тело — вдруг сделалось гадким. *Уродливым* — это еще мягко сказано.

— Ну и мымра — попалась же такая, — фыркнул он.

Это было сказано с отвращением, это было сказано без обиняков. Осмотрев добычу, он остался недоволен.

Но не отпускать же.

Тут у меня лихорадочно заработала мысль: в ход пошла и правда, и ложь — нужно было его разжалобить. Показать, что я по сравнению с ним убогая и никчемная.

— Меня из приюта взяли, — зачастила я. — Даже родителей своих не знаю. Пожалуйста,пусти. Я еще девушка.

— Ложись давай.

Вся дрожа, я медленно распласталась на холодной земле. Досадливо сдернув с меня трусы, он скомкал их в кулаке и отбросил в сторону, куда попало.

У меня на глазах его расстегнутые штаны сползли до лодыжек.

Он лег сверху и начал совершать толчки. Это было знакомо. В школе мне нравился один парень, Стив, так вот, он проделывал то же самое, зажав мою ногу, потому что большего я не позволяла. Конечно, в таких случаях мне и в голову не приходило оголяться, и Стиву тоже. Он уходил от меня в расстроенных чувствах, зато мне ничто не угрожало. Родители всегда были дома, в другой комнате. Я внушала себе, что это любовь.

Как он ни пыжился, ему пришлось помогать себе рукой.

Я неотрывно смотрела ему в глаза. Боялась отвести взгляд. Думала: стоит только зажмуриться — и провалишься в преисподнюю. Чтобы остаться в живых, надо присутствовать здесь до последнего.

Он обзывал меня гадиной. Ругался, что у меня все сухо.

— Прости, прости, — повторяла я; сама не знаю, почему нужно было все время извиняться. — Я девушка.

— Не фиг пялиться, — буркнул он. — Зенки закрой. Чего трясешься?

— Я не нарочно.

— Вот и не дергайся, а то хуже будет.

Я сумела унять дрожь. Собрала все свою волю. Но мои глаза смотрели еще пристальнее. Его кулак заворочался у меня между ног. Пальцы — не то три, не то четыре — полезли внутрь. Там что-то лопнуло. Потекла кровь. Зато ему больше не было сухо.

Он оживился. Проявил интерес. Теперь во мне ходил, как поршень, целый кулак, а я старалась думать о другом. В мозгу крутились стихотворные строчки, выученные в школе: у Ольги Кабрал есть стихотворение, которое мне больше нигде не встречалось, называется «Кресло Лиляны»; потом вспомнилось еще одно — «Собачий приют» Питера Уайлда. Нижняя часть моего тела будто утратила чувствительность, а я вспоминала стихи. Молча шевеля губами.

— Кому сказано, кончай пялиться, — бросил он.

— Прости, — выговорила я. — Ты такой сильный. — Это был очередной заход.

Ему понравилось. Он стал наяривать с удвоенной силой. Мой копчик разбивался о землю. В спину и ягодицы впивались осколки стекла. Но у насильника что-то не заладилось. Точнее сказать не берусь.

Отстранившись, он теперь стоял на коленях.

— Ноги подними, — велел он.

Не понимая, что ему нужно, — у меня ведь не было ни любовного опыта, ни даже книжных познаний, — я задрала ноги вертикально вверх.

— Раздвинь.

Я и это сделала. Ноги не гнулись, они стали каучуковыми, словно у куклы Барби. Его это взбесило. Ухватив меня за икры, он дернул руками в стороны, едва не разорвав меня пополам.

— Вот так и держи, — распорядился он.

И все сначала. Засунул в меня ручищу. Принялся терзать груди. Рвал соски, лизал их языком.

У меня текли слезы. Я куда-то проваливалась, но вдруг услышала голоса. Шаги по дорожке. Смех парней и девчонок. По дороге из школы я видела в парке отвязную тусовку, которая праздновала конец учебного года. Мой мучитель, похоже, ничего не слышал. Нужно было пользоваться моментом. Я издала резкий вопль — и у меня во рту немедленно оказался его кулак. Неподалеку опять зазвучал смех. Он несся прямо по направлению к тоннелю, в нашу сторону. Улюлюканье, гогот. Разухабистое веселье.

Мы застыли; кулак лез мне в горло, пока гуляки не пошли своей дорогой. Их праздник продолжался. Мой второй шанс на спасение растаял.

Но насильника это сбilo с толку. Он не рассчитывал, что дело настолько затянется. И предложил мне надеть *штаники*. Буквально так и сказал. Мерзкое словцо.

Я прикинула, что будет дальше. Меня трясло, но, по крайней мере, теперь казалось, что он насытился. Судя по количеству крови, его цель была достигнута.

— Ну-ка, отсоси. — Он выпрямился во весь рост, а я ворочалась в грязи, пытаюсь собрать одежду.

От пинка я сжалась в комок.

— Отсоси, я сказал. — Его рука приподняла пенис.

— Как это? — не поняла я.

— Что значит «как это»?

— Откуда мне знать? — выдавила я. — У меня не получится.

— Возьми в рот.

Я стояла перед ним на коленях.

— Можно хотя бы лифчик надеть?

Во что бы то ни стало нужно было одеться. Мой взгляд упирался в его мускулистые, волосатые, колоколом утолщавшиеся от колен ляжки и вялый пенис.

Безжалостные руки стиснули мне голову.

— Возьми в рот и соси.

— Как соломинку? — спросила я.

— Типа того.

Сначала пришлось взять его член в руку. Совсем маленький. Горячий, дряблый. От моего прикосновения он чуть дрогнул. Грубые руки дернули мою голову; я приоткрыла губы. Ощутила нечто на языке. По вкусу — то ли грязная резина, то ли паленая шерсть. Как могла втянула в рот.

— Да не так. — Он с досадой оттолкнул мою голову. — Ты что, не знаешь, как минет делается?

— Откуда мне знать? — сказала я. — Говорю же, я никогда этим не занималась.

— Вот сучка, — бросил он.

Придерживая безжизненный пенис двумя пальцами, он стал на меня мочиться. Короткая, резко пахнущая струя задела губы и нос. Его вонь — густая, неистребимая, тошнотворная вонь — липла к моей коже.

— Ложись, — скомандовал он. — Будешь делать, что скажу.

Я подчинилась. Когда он приказал мне закрыть глаза, я сообщила, что без очков все равно ничего не вижу.

— Чего затихарилась? А ну, говори со мной, не молчи, — потребовал он. — Вижу, ты и в самом деле целка. Я у тебя первый.

А сам опять навалился сверху и стал по мне елозить. Я повторяла, какой он сильный, какой мощный, какой добрый. Ему удалось немного возбудиться и проникнуть в меня. Повинуясь окрику, я обвила его ногами, и он стал толчками вбивать меня в землю. Целиком подчинил себе. Единственное, что осталось ему неподвластным, — это мое сознание. Оно не отключалось, а наблюдало и фиксировало все до мельчайших подробностей. Его лицо, все, чего он хотел, как я ему помогала.

До моего слуха опять донеслись шаги, но меня уже здесь не было. Насильник, пыхтя, протыкал мое тело. Таранил, таранил — а очередная компания как ни в чем не бывало шагала по дорожке в другом мире, где когда-то жила и я.

— Пяль ее во все дырки! — заорал кто-то у входа в тоннель.

По всей видимости, студенты бурно отмечали конец сессии; мне подумалось, что в Сиракьюсском университете я никогда не стану своей.

Весельчаки прошли мимо. Я смотрела насильнику в глаза. Была с ним.

Ты такой сильный, такой мужчина, спасибо, спасибо, я этого хотела.

И тут все закончилось. Получив удовлетворение, он разом обмяк. Я лежала, придавленная его тяжестью. У меня бешено колотилось сердце. А в мыслях были Ольга Кабрал, поэзия, мама — да мало ли что еще. Потом я уловила его дыхание. Легкое, ровное. Он похрапывал. В голове мелькнуло: бежать. Но стоило мне под ним шевельнуться, как он проснулся.

Уставился на меня непонимающим взглядом. Потом начал каяться.

— Ты уж прости, — нудил он. — Моя хорошая. Не держи зла.